

жрецы Цибелы ¹⁵⁵⁷). Восемнадцать вѣковъ прошло съ того времени, какъ написано было это посланіе, и оно такъ настроило весь складъ христіанской мысли, что въ настоящее время мы принимаемъ эти воззрѣнія какъ самое обыкновенное дѣло; однако же не нужно особенныхъ усилій воображенія для того, чтобы понять, какой яростный гнѣвъ воспламенялся въ душахъ іудеевъ и даже въ душахъ іудействующихъ христіанъ отъ словъ, которыя не только выражали презрѣніе къ обрядамъ, бывшимъ для нихъ самымъ дыханіемъ жизни, но и уязвляли до живаго ихъ естественную гордость, ставя ихъ лелѣянную вѣками обрядность и даже самый древній и высокоцѣнный залогъ ихъ національности на одинъ уровень съ языческими обычаями, къ которымъ они всегда относились съ ненавистью и презрѣніемъ. И однако же ап. Павелъ писалъ все это безъ малѣйшаго желанія затронуть ярость предразсудка. Обрядность языческаго культа, насколько она заключала въ себѣ или поддерживала искру истиннаго благочестія, не была предосудительною, а имѣла полезное назначеніе; въ этомъ отношеніи она стояла на одномъ уровнѣ съ обрядностью іудейства. Безконечное превосходство іудейскаго обряда состояло въ томъ, что онъ былъ тѣнью будущихъ благъ. Онъ исполнилъ свое назначеніе, и теперь долженъ подвергнуться отмѣнѣ. Вѣдь не ради горшка мы ухаживаемъ за цвѣткомъ, и горшокъ можетъ быть разбитъ, когда совсѣмъ завяль цвѣтокъ. Лянуть къ тѣни, когда на мѣсто ея явилась уже самая вещь, значило ниспровергать порядокъ Божій.

Затѣмъ дѣлается сильное и нѣжное обращеніе къ галатамъ:

«Прошу васъ, братія, будьте, какъ я; потому что и я, какъ вы ¹⁵⁵⁸). Вы ничѣмъ не обидѣли меня. Знаете, что *хотя* я въ немощи плоти благовѣствовалъ вамъ въ первый разъ: но вы не презрѣли искушенія моего во плоти моей и не возгнушались *имъ* ¹⁵⁵⁹), а приняли меня, какъ Ангела Божія, какъ Христа Іисуса. Какъ вы были блаженны! Свидѣтельствую о васъ, что если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои, и отдали мнѣ. Итакъ, неужели я сдѣлался врагомъ вашимъ, говоря вамъ истину?» ¹⁵⁶⁰).

«Ревнуютъ ко васъ не чисто, а хотятъ васъ отлучить, чтобы вы ревновали по нимъ ¹⁵⁶¹). Хорошо ревновать въ добромъ всегда, а не въ моемъ только присутствіи у васъ ¹⁵⁶²). Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ! Хотѣлъ бы я теперь быть у васъ, и измѣнить голосъ мой ¹⁵⁶³), потому что я въ недоумѣніи о васъ» (iv, 17—20).

Затѣмъ, возвращаясь какбы къ нападенію, онъ обращается къ нимъ съ любопытной аллегоріей о двухъ женахъ Авраама: Саррѣ и Агари и ихъ сыновьяхъ Измаилѣ и Исаакѣ ¹⁵⁶⁴). Это прообразы двухъ завѣтовъ. Агарь представляет собою Синай, соотвѣтствуетъ или находится на одномъ уровнѣ съ закономъ, съ ветхимъ завѣтомъ и слѣдовательно земнымъ Іерусалимомъ, который находится въ рабствѣ подъ закономъ; Сарра же соотвѣтствуетъ свободѣ и обѣтованію и слѣдовательно новому завѣту и новому Іерусалиму, который есть свободная мать

всѣхъ насъ. Между ними долженъ быть антагонизмъ, какъ онъ былъ и между братьями, сыновьями рабыни и свободной; но онъ окончился для сына рабыни изгнаніемъ. Такъ и теперь: невѣрующіе іудеи, естественные потомки настоящей Сарры, суть духовные потомки Агари, изгнанной рабыни Синаитской пустыни, и они преслѣдуютъ язычниковъ, которые по пророчеству потомки истинной Сарры. Духовные потомки Сарры должны наследовать благословеніе, въ которомъ іудеи, происшедшіе отъ нея тѣлесно, не должны имѣть участія. Исаакъ, сверхъ естественный сынъ обѣтованія, представляетъ духовное сѣмя Авраамово, т. е. Христа и всѣхъ тѣхъ, которые, іудеи ли, или язычники, пребываютъ въ Немъ. «Поэтому, братія», прибавляетъ онъ, отождествляя себя гораздо болѣе съ язычниками, чѣмъ съ іудеями, «мы дѣти не рабы, но свободной. И такъ, стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства» (iv, 22—v, 1).

Какою странною и обидною должна была показаться іудеямъ такая аллегорія! Она имѣла филоновско-раввинскій характеръ, но была великолѣпнѣе, чѣмъ всякая аллегорія у Филона, потому что она не извращала исторію въ метафору и отличалась большею проникательностью, чѣмъ всякая аллегорія у раввиновъ¹⁵⁶⁵). Это поистинѣ значило «брать перо изъ душистаго гнѣзда феникса», чтобы сдѣлать изъ него стрѣлу, которая бы пронзила ему грудь. Іудеи, потомки Сарры, по непреодолимой логикѣ своего собственнаго излюбленнаго метода, сами оказываются отождествленными съ потомками презрѣнной и ненавистной Агари, все равно, какъ ранѣе предъ тѣмъ они слышали доказательства того, что не они, а обращенные язычники суть истинное сѣмя Авраамово (iv, 21—31).

И галаты не должны вводить себя въ заблужденіе: они не могутъ служить двумъ господамъ, не могутъ сочетать законъ съ Евангеліемъ. Они не должны воображать, что они легко могутъ избѣгнуть преслѣдованія, принимая обрѣзаніе; и, останавливаясь на этомъ пунктѣ, ап. продолжаетъ: «Смотрите, вотъ я, Павелъ, говорю вамъ: если вы обрѣзываетесь, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа. Еще свидѣтельствую всякому человѣку обрѣзывающемуся, что онъ долженъ исполнить весь законъ. Вы, оправдывающіе себя закономъ, остались безъ Христа, отпали отъ благодати. А мы духомъ ожидаемъ и надѣемся праведности отъ вѣры. Ибо во Христѣ Иисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовью» (v, 2—6). «Въ этомъ», какъ говоритъ Бенгель, «заключается все христіанство».

«Вы шли хорошо; кто остановилъ васъ, чтобы вы не покорялись истинѣ? Такое убѣжденіе не отъ Призывающаго васъ. Малая закваска заквашиваетъ все тѣсто. Я увѣренъ о васъ¹⁵⁶⁶) въ Господѣ, что вы не будете мыслить иначе; а смущающій васъ, кто бы онъ ни былъ, понесетъ на себѣ осужденіе. За что же гонять меня, братія, если я и теперь проповѣдую обрѣзаніе? Тогда соблазнъ креста прекратился бы. О, если бы возмущающіе васъ пошли нѣсколько дальше обрѣзанія и сдѣлались бы подобно жрецамъ Цибелы¹⁵⁶⁷)!

«Къ свободѣ призваны вы, братія; только бы свобода ваша не была поводомъ къ *уиждению* плоти: но любовію служите другъ другу (1 Петр. II, 16). Ибо весь законъ въ одномъ словѣ исполненъ ¹⁵⁶⁸): любите ближняго твоего, какъ самого себя (Лев. XIX, 18). Если же другъ друга угрызаете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ ¹⁵⁶⁹).

«Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вождельній плоти. Ибо плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти. Они другъ другу противятся, такъ что вы не то дѣлаете, что хотѣли бы. Если же вы духомъ водите, то вы не подѣ закономъ. Дѣла плоти извѣстны, они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство ¹⁵⁷⁰), вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, (соблазны), ереси, ненависть, убійства ¹⁵⁷¹), пьянство, безчинство ¹⁵⁷²), и тому подобное. Предваряю васъ, какъ и прежде предварялъ, что поступающіе такъ царствія Божія не наследуютъ. Плодъ же духа ¹⁵⁷³): любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Но тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Если мы живемъ духомъ, то по духу и поступать должны. Не будемъ тщеславиться, другъ друга раздражать, другъ другу завидовать» (v, 16—26).

Въ этомъ мѣстѣ происходитъ перерывъ. Быть можетъ нѣкоторыя обстоятельства въ Коринѣ сильно взволновали его. Быть можетъ въ этой непостоянной церкви совершилось новое нравственное паденіе, или что нибудь могло вдругъ напомнить ап. Павлу о подавляющемъ дѣйстви, произведенномъ приговоромъ на того гнуснаго грѣшника, котораго онъ порѣшилъ предать сатанѣ. Какъ бы то ни было, но онъ говоритъ съ особою торжественностью:

«Братія! если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, вы духовные исправляйте такового въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушеннымъ. Носите бремена ¹⁵⁷⁴) другъ друга, и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ. Ибо кто почитаетъ себя чѣмъ нибудь, будучи ничто, тотъ обольщаетъ самъ себя. Каждый да испытываетъ свое дѣло, и тогда будетъ имѣть похвалу только въ себѣ, а не въ другомъ. Ибо каждый понесетъ свое бремя ¹⁵⁷⁵). Наставляемый словомъ дѣлится всякимъ добромъ съ наставляющимъ (1 Кор. IX; Рим. XII, 13; 1 Тесс. V, 12). Не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе, а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную. Дѣлая добро, да не унываемъ: ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ. И такъ, доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ (VI, 6—10).

«Видите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою ¹⁵⁷⁶). Желаящіе хвалиться по плоти принуждаютъ васъ обрѣзываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крестъ Христовъ. Ибо и сами обрѣзывающіеся не соблюдаютъ закона, но хотятъ, чтобы вы обрѣзывались, дабы похвалиться въ вашей плоти. А я не желаю хвалиться, развѣ только крестомъ Господа нашего Іисуса Христа,

которымъ для меня міръ распятъ, и я для міра. Ибо во Христѣ Иисусѣ ничего не значитъ ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь ¹⁵⁷⁷). Тѣмъ, которые поступаютъ по сему правилу, миръ имъ и милость, и Израилю Божию. Впрочемъ никто не отягощай меня: ибо я ношу язвы Господа Иисуса на тѣлѣ моемъ ¹⁵⁷⁸). Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духомъ вашимъ, братія. Аминь» ¹⁵⁷⁹).

Таково посланіе къ Галатамъ. Безъ нѣкотораго знакомства съ тѣмъ, чѣмъ было іудейство въ то время и чѣмъ оно все болѣе и болѣе становилось, невозможно составить вѣрнаго понятія о томъ смѣломъ мужествѣ, той великолѣпной самобытности (скажемъ лучше: о той вдохновенной и вдохновляющей вѣрѣ), которая давала возможность ап. Павлу сбрасывать такимъ образомъ иго незапамятно-древнихъ преданій и смѣло пренебрегать ненавистью тѣхъ, среди которыхъ онъ былъ воспитанъ, какъ еврей и какъ фарисей. Нужно помнить, что въ это самое время школы раввинства окружали законъ ревнивою исключительностью, годъ отъ году увеличивавшеюся въ своей напряженности; и въ то самое время, какъ ап. Павелъ свободно открывалъ язычникамъ всѣ наиболѣе возвышенныя надежды и преимущества іудейства, не налагая ни одного изъ его тяжестей, раввины и раббаны уже прямо подходили къ заключенію, что всякій язычникъ, осмѣливавшійся идти дальше семи Ноевыхъ законовъ, всякій язычникъ, который бы на примѣръ имѣлъ смѣлость соблюдать субботу какъ день покоя, не дѣлаясь прищельцемъ правды и не принимая такимъ образомъ всего ига обрядоваго закона, «безъ прибавленія къ нему и безъ всякаго уменьшенія отъ него»,—заслуживалъ избіенія и наказанія, съ провозглашеніемъ, что онъ этимъ законно навлекъ на себя наказаніе смерти ¹⁵⁸⁰). Какое дѣйствіе произвело это посланіе на церкви галатскія, мы не можемъ сказать; но для церкви Христовой имъ сдѣлано было великое дѣло. Этимъ посланіемъ язычники навсегда были освобождены отъ опасности подчиненія своего христіанства невозможнымъ и плотскимъ условіямъ. Въ посланіи къ Римлянамъ обрѣзаніе уже не выступаетъ въ качествѣ важнаго практическаго вопроса. Правда, іудейство продолжало въ теченіе нѣкотораго времени оказывать на христіанство сильное вліяніе. Но посланіе Варнавы относится къ обрѣзанію съ пренебреженіемъ и приписываетъ его даже обольщенію злаго ангела ¹⁵⁸¹); въ посланіи св. Игнатія сдѣланное ап. Павломъ различіе между истиннымъ и ложнымъ обрѣзаніемъ уже принимается вполне ¹⁵⁸²) и даже въ «Клементинскихъ бесѣдахъ», не смотря на преобладаніе въ нихъ іудейскаго духа, не говорится ни слова о необходимости обрѣзанія, а говорится только, что всякій, желающій перестать быть еллинистомъ, можетъ достигнуть этого крещеніемъ и новымъ рожденіемъ ¹⁵⁸³).

За посланіемъ къ Галатамъ быстро слѣдовало посланіе къ Римлянамъ, которое въ одно и то же время отличается и замѣчательнымъ сходствомъ и вмѣстѣ несходствомъ съ нимъ. Въ это время душу ап. Павла не удручала никакая внѣшняя вражда, никакая глубокая внутренняя скорбь. Это былъ небольшой роздыхъ въ его трудовой жизни. Періодъ его зимняго пребыванія въ Коринѣ приближался

къ концу. Апостоль уже обсуждалъ болѣе широкій кругъ своего ближайшаго миссіонерскаго путешествія. Потокъ его мыслей всецѣло направлялся къ западу. Онъ желалъ видѣть Римъ и утвердить Евангеліе въ столицѣ міра. Онъ не рассчитывалъ на долгое пребываніе среди римскихъ христіанъ, потому что его неизмѣннымъ правиломъ было не строить на основаніи другихъ. Но онъ желалъ найти въ нихъ помощь (а ее только и можно было найти въ великой столицѣ) при своемъ путешествіи въ Испанію, гдѣ еще не проповѣдано было Евангеліе. Его сердце рвалось къ тѣмъ берегамъ, корабли которыхъ онъ видѣлъ въ портахъ Лехея и Кенхрей и бравыхъ моряковъ которыхъ онъ могъ часто встрѣчать на людныхъ улицахъ востока.

Но прежде чѣмъ отправиться къ нимъ, онъ рѣшился совершить давно предполагавшееся посѣщеніе Іерусалима. Какъ бы ни относились къ нему члены этой церкви, любили ли они его или ненавидѣли, хотѣли ли они дать его обращенцамъ правую руку дружества или держать ихъ въ отдаленіи отъ себя, онъ самъ во всякомъ случаѣ желалъ имъ только добра. Онъ хотѣлъ оказать существенную помощь массѣ ихъ борющихся съ нуждой бѣдняковъ; хотѣлъ самъ сопровождать уполномоченныхъ, которые несли имъ вещественныя доказательства любви и великодушія христіанъ изъ язычниковъ и хотѣлъ самъ передать апостоламъ тѣ суммы (навѣрно достигшія въ это время значительнаго объема), которыя были собраны единственно благодаря его неустаннымъ стараніямъ. Съ какою ревностью и даже строгостью внушалъ онъ этотъ долгъ галатамъ, какъ устно, такъ и письменно! Съ какою настойчивостью онъ увѣщевалъ коринѳяны, во избѣжаніе всякой неувѣренности въ пожертвованіяхъ, давать ихъ въ видѣ еженедѣльнаго приношенія! Какъ онъ поощрялъ македонянъ ревностью ахеянъ и ахеянъ щедростью македонянъ! И послѣ всѣхъ этихъ усилій и стараній, всѣхъ грубыхъ клеветъ, съ которыми онъ долженъ былъ бороться для того, чтобы достигнуть своей благотворительной цѣли, было исполнѣ естественно для столь искренно сердечнаго чловѣка желаніе пожать хотя малую земную награду за всѣ свои труды, хотя бы въ видѣ личнаго присутствія при выраженіи того удовольствія, которое это приношеніе могло доставить матери церкви, и той помощи, которую оно могло оказать ея наиболѣе бѣднымъ членамъ. Но онъ не скрывалъ отъ самого себя, что при посѣщеніи Іерусалима онъ могъ подвергнуться великимъ опасностямъ. Онъ влагалъ свою голову въ львиную пасть іудейства, а весь его прежній опытъ показывалъ, что въ такомъ мѣстѣ и среди яраго фанатизма, особенно распалявшагося по случаю годовыхъ праздниковъ, ему на каждомъ шагу могли угрожать опасности какъ отъ его соотечественниковъ, такъ и опасности отъ его лжебратій. Удастся ли ему избѣжать этихъ опасностей, это было извѣстно одному Богу. Ап. Павелъ былъ чловѣкъ, который не любилъ самообмана. Онъ слишкомъ глубоко изучилъ книги священнаго писанія и книгу жизни, чтобы не знать того, какъ Богъ поступаетъ съ своими святыми. Онъ зналъ, какъ Ілія, какъ Исаія, какъ